

И. С. Кон

## К ПРОБЛЕМЕ ВОЗРАСТНОГО СИМВОЛИЗМА

Статья В. А. Попова поднимает два основных круга вопросов. Первый касается реконструкции конкретной системы возрастных классов, второй — общеметодологических и терминологических проблем, связанных с определением возрастных категорий. В данных заметках я остановлюсь только на втором круге вопросов.

Возрастная терминология, которой уделяют много внимания как советские, так и зарубежные этнографы<sup>1</sup>, по самой сути своей является междисциплинарной. Термин «возраст» употребляется всюду, где возникает необходимость зафиксировать процессы и изменения, происходящие во времени.

Уже самое общее, формальное определение возраста имеет два значения. *Абсолютный, или хронологический, возраст* выражается числом временных единиц (минут, дней, лет и т. п.), отделяющих момент возникновения объекта от момента его измерения. Это чисто количественное, абстрактное понятие, обозначающее длительность существования объекта, его локализацию во времени. *Условный возраст, или возраст развития*, определяется путем установления местоположения объекта в определенном эволюционно-генетическом ряду, в некотором процессе развития, на основании каких-то качественно-количественных признаков. Оба понятия широко применяются как в историко-биологических науках, так и в науках о неживой материи. Определение хронологического возраста объекта называется датировкой, установление условного возраста связано с процессом периодизации, которая предполагает выбор не только хронологических единиц измерения, но и самой системы отсчета и принципов ее расчленения.

Изучение человеческого возраста в общественных и гуманитарных науках осуществляется в трех главных системах отсчета, вне связи с которыми возрастные категории вообще не имеют смысла<sup>2</sup>.

1. *Индивидуальное развитие*, описываемое в таких понятиях, как «онтогенез», «течение жизни», «жизненный путь», «жизненный цикл», «биография», их составляющих («стадии развития», «возрасты жизни» и т. п.) и производных («возрастные свойства»). Возраст развития и его эталоны всегда многомерны и конкретизируются в понятиях биологического, социального и психического возраста, с соответствующей каждому из них системой индикаторов<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См. подробнее: Gulliver P. H. Age Differentiation.— International Encyclopaedia of the Social Sciences. N. Y., 1968, v. I, p. 157—162; Калиновская К. П. Возрастные группы народов Восточной Африки. М.: Наука, 1976; *ее же*. Категория «возраст» в представлении некоторых народов Восточной Африки.— В кн.: Африканский этнографический сборник. Вып. XII. Л.: Наука, 1980.

<sup>2</sup> См. Кон И. С. Возрастные категории в науках о человеке и обществе.— Социологические исследования, 1978, № 3, с. 76—86.

<sup>3</sup> См. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

2. *Социально-возрастные процессы и возрастная структура общества*, описываемые в таких терминах, как «возрастная стратификация», «возрастное разделение труда», «возрастные слои», «возрастные группы», «поколения», «когортные различия» и т. д.<sup>4</sup>

3. *Возрастной символизм*, т. е. отражение возрастных процессов и свойств в культуре («возрастные обряды», «возрастные стереотипы» и т. п.).

Каждая из этих проблем является междисциплинарной и имеет свой этнографический аспект. Чтобы уточнить категориальный аппарат этнографии, в частности такие термины, как «возрастные степени», «возрастные классы» и «возрастные группы», необходимо соотнести их с более общими, формальными социологическими и психологическими категориями жизненного цикла и возрастной стратификации. При этом оказывается, что этнографические термины, обозначающие возрастные объединения, имеют разные точки отсчета, но всегда соотносятся с системой возрастного символизма.

Возрастные степени обозначают стадии жизненного цикла, но не всякие, а только особо выделяемые и символизируемые культурой; их достижение обеспечивает индивиду определенный социальный ранг и идентичность.

Возрастные классы обозначают возрастные слои населения, но тоже не всякие, а только занимающие особое место в системе возрастной стратификации данного общества и соответственно выделяемые и символизируемые культурой.

Возрастные группы обозначают организации, основанные на общности хронологического и/или условного возраста своих членов, имеющие специфические структуру, функции и знаковые средства и соответственно воспринимаемые и символизируемые культурой. Иначе говоря, возрастные степени обозначают культурно-нормативные аспекты жизненного цикла, а возрастные классы и возрастные группы — соответственно социально-структурные и функционально-организационные аспекты возрастных отношений.

Отсутствие должной концептуальной ясности часто приводит к смешению категорий индивидуального и социального возраста, а также демографических, социально-структурных и социально-психологических свойств возрастных слоев и объединений (достаточно вспомнить споры о том, являются ли члены возрастных классов и групп первичной формации сверстниками и в каком именно смысле — хронологическом, биологическом или социальном). Этнографические данные на сей счет обычно систематизируются либо в связи с проблемой возрастных объединений, либо в связи с обрядами перехода. Однако возрастные объединения чаще всего рассматриваются в контексте социальной организации общества, тогда как обряды перехода подразумевают также членение индивидуального жизненного пути. Взаимосвязь данных явлений можно понять лишь с учетом возрастного символизма, т. е. системы представлений и образов, в которых культура воспринимает, осмысливает и легитимирует жизненный путь индивида и возрастную стратификацию общества.

Возрастной символизм как подсистема культуры включает в себя, на мой взгляд, следующие взаимосвязанные элементы:

1) *нормативные критерии возраста*, т. е. принятую культурой возрастную терминологию, периодизацию жизненного цикла с указанием длительности и задач его основных этапов;

2) *аскриптивные возрастные свойства или возрастные стереотипы* — черты и свойства, приписываемые культурой лицам данного воз-

<sup>4</sup> Наиболее разработанную социологическую модель возрастной стратификации см. в кн.: Riley M. W., Johnson M., Foner A. *Aging and Society*. V. III — *A Sociology of Age Stratification*. N. Y., 1972 (рец. на эту книгу: Кон И. С. Старение и общество. — Вестник ЛГУ, 1974, № 11, с. 159—160).

раста и выступающие для них в качестве подразумеваемой нормы;

3) *символизацию возрастных процессов* — представления о том, как протекают или должны протекать рост, развитие и переход индивида из одной возрастной стадии в другую;

4) *возрастные обряды* — ритуалы, посредством которых культура структурирует жизненный цикл и оформляет взаимоотношения возрастных слоев, классов и групп;

5) *возрастную субкультуру* — специфический набор признаков и ценностей, по которым представители данного возрастного слоя, класса или группы осознают и утверждают себя в качестве «мы» отличного от всех остальных возрастных общностей.

Все эти элементы соответствуют определенным аспектам жизненного цикла и возрастной стратификации общества. Нормативные критерии возраста соответствуют стадиям жизненного цикла и структуре возрастных слоев. Аскриптивные возрастные свойства — культурно-нормативный аналог и эквивалент индивидуальных возрастных различий и свойств соответствующих возрастных слоев (классов). Символизация возрастных процессов и возрастные обряды — не что иное, как отражение и легитимация возрастных изменений и социально-возрастных процессов, а возрастная субкультура производна от реальных взаимоотношений возрастных слоев и организаций. Однако эти явления обладают известной автономией.

Нормативные критерии возраста, объективированные в возрастной терминологии, тесно связаны с развитием временных представлений и категорий. При всех этнокультурных вариациях здесь четко вырисовываются некоторые общие закономерности. Прежде всего бросается в глаза сравнительно позднее появление понятия хронологического возраста. Этимология славянских терминов «возраст» и «век»<sup>5</sup> показывает, что названия, восходящие к первоначальному значению «годы» или «время», возникли позже, чем слова, восходящие к значениям «рост» и «сила». «Возраст» происходит от слова «рост», его семантика связана с глаголами «родить», «вскармливать», «растить», «воспитывать». Слово «старый» — позднейшее образование от этого корня значит, поживший (ср. пожилой). Понятия, описывающие длительность, течение, собственно время жизни (англ. *lifetime*, нем. *Lebenszeit*), являющиеся исторически наиболее поздними. Они возникли на базе нерасчлененного понятия «жизнь», в котором количественные характеристики еще не отделились от самих жизненных процессов.

Древнейшая интуиция времени, свойственная бесписьменным культурам, фиксирует не длительность и необратимость, а ритмичность, повторяемость, цикличность процессов (на эту проблему обращает внимание и в обсуждаемой статье В. А. Попова.) У первобытного человека «имелось не отчетливое чувство самого времени, а только некоторые временные ассоциации, которые разделяли время на интервалы, подобные тактовым чертам в музыке»<sup>6</sup>. Так называемое «мифологическое время» — всегда циклическое, повторяющееся.

Течение жизни воспринималось архаическим сознанием не как линейный, а как циклический процесс. Тем более, что субъектом его считался не отдельный индивид, а род, племя, община. Представители бесписьменных народов, как правило, не знают своего индивидуально-хронологического возраста и не придают ему существенного значе-

<sup>5</sup> См. Гавлова Е. Славянские термины «возраст» и «век» на фоне семантического развития этих названий в индоевропейских языках. — В кн.: Этимология, 1967. М.: Наука, 1969, с. 36—39.

<sup>6</sup> Уитроу Д. Естественная философия времени. М.: Прогресс, 1964, с. 74. Ср. Файнберг Л. А. Представления о времени в первобытном обществе. — Сов. этнография, 1977, № 1, с. 128—136.

ния. Им вполне достаточно указания на коллективный возраст, факт своей принадлежности к определенной возрастной степени или классу, порядок старшинства, часто выражаемый в генеалогических терминах и т. п. Такая установка типична для всех традиционных обществ<sup>7</sup>. Там, где нет паспортной системы, этнографы и сегодня на вопрос о возрасте часто получают ответы типа: «А кто их считал, мои годы?» — или нечто весьма приблизительное.

Идея постоянства жизненного цикла подкрепляется распространенной во многих древних религиях идеей инкарнации, вселения в тело новорожденного ребенка умершего предка или его души, т. е. представлением о ребенке как о вернувшемся и повторяющем свою жизнь предке. В свете этого представления понятно и характерное для архаического сознания смешение социально-возрастных категорий с генеалогическими, вплоть до подмены первых вторыми. Пока индивидуальная жизнь еще не обрела самостоятельной ценности, а идея чередования природных циклов не сменилась идеей развития, такая символизация абсолютно логична и естественна.

Как же конкретно представляют разные культуры жизненный цикл и его этапы? Все народы, по-видимому, различают этапы детства, взрослости (зрелости) и старости. Но внутри этой периодизации существует множество вариаций, выявляющихся при сравнительно-историческом изучении возрастной терминологии и особенно систем возрастных степеней.

Разные культуры выделяют неодинаковое число «возрастов жизни», причем количество институционализированных возрастных степеней часто значительно меньше, чем число имплицитно подразумеваемых возрастов. Это вполне естественно. Хотя возрастные степени всегда соотносятся с периодизацией жизненного пути, их непосредственной системой отсчета является возрастная стратификация и соответствующие социальные институты и нормы, не одинаковые у разных народов. Например, мужчины масаи имели в XIX в. шесть возрастных степеней, тогда как мужчины нуэр знают только две возрастные степени — мальчиков и взрослых мужчин, причем члены данных возрастных классов символизируются соответственно как «сыновья» и «отцы». Отметим также частое несовпадение числа возрастных степеней у мужчин и женщин. Это говорит о том, что мужской и женский жизненные циклы символизируются по-разному и дело здесь отнюдь не в возрасте<sup>8</sup>.

По мере того как возрастная терминология отходит от жесткой системы возрастных степеней и начинает обозначать только стадии жизненного цикла, она становится более гибкой, но одновременно менее определенной. Неопределенность, условность хронологически выражаемых возрастных границ — общее свойство любой развитой культуры.

Чрезвычайно важный факт, доказывающий условность возрастных границ и периодизации жизненного цикла, хотя она кажется основанной на инвариантах онтогенеза, — зависимость этой периодизации от свойственной каждой данной культуре символики чисел. Хотя все народы имеют свои излюбленные «священные числа», числа эти не всегда совпадают. В греко-римской традиции, воспринятой позже в средневековой Европе, одним из главных священных чисел было 7. «Седмица» лежит в основе античных космологических представлений (7 планет), а также в основе возрастной периодизации: 7—14—21 и т. д. лет. Реже встречается идея пятилетнего цикла (у готов, салических франков, датчан и шведов). Некоторые древние германские племена пред-

<sup>7</sup> См. *Ариес Ф.* Возрасты жизни. — В кн.: *Философия и методология истории.* Сб. статей/Ред. Кон И. С. М.: Прогресс, 1977, с. 221.

<sup>8</sup> См. подробнее *Калиновская К. П.* Категория «возраст»..., с. 74—78.

почитали четное число 6; у саксов, англосаксов, лангобардов, норвежцев, исландцев, баварцев и аллеманов жизненный цикл членится на шестилетние периоды: 6—12—18—24 и т. д.<sup>9</sup> У африканского народа комоко «базовым» числом является 8, по их верованиям целостный человек — ме состоит из 8 элементов, а жизненный цикл делится на 8 стадий<sup>10</sup>. Исключительно сложная символическая система существует у бамбара<sup>11</sup>.

Любая периодизация жизненного цикла не только описательна, но и ценностно-нормативна. Нагляднее всего это выступает в таких понятиях, как «созревание», «совершеннолетие», «зрелость». Фактически же нормативными являются все возрастные категории, включая понятия «детства», «юности», «взрослости» и т. д.

Определение возрастных свойств как аскриптивных, т. е. приписываемых культурой и изменяющихся вместе с нею, может сначала показаться странным. Разве не являются наши понятия о детстве или старости отражением реальных возрастных свойств? Недаром в них так много повторяющегося, устойчивого. Но культурология изучает не «подлинного», конкретного ребенка или старика, а их стереотипизированные образцы в той или иной культуре. Между реальными свойствами индивидов и их образами в культуре всегда существует обратная связь: культурные стереотипы отражают свойства эмпирических индивидов и одновременно служат им ценностными ориентациями, образцами, которым люди стараются подражать или, напротив, их избегать. Непонимание этой диалектики порождает серьезные недоразумения.

Психологи, считающие возрастные свойства простыми инвариантами онтогенеза, говорят о детстве или старости как об универсальных, вечных категориях, которые всегда обладают одними и теми же свойствами. Но почему тогда столь изменчивы их образы в массовом сознании, философии, литературе и искусстве? Кроме того, если универсальны возрастные свойства, то такой же неизменной должна быть и структура личности. Это делает историческую социологию и психологию, равно как и этнопсихологию, невозможными и ненужными.

Представители гуманитарных наук, напротив, подчеркивают историчность и социокультурную обусловленность возрастных свойств. Но чрезмерная «историзация» возрастных категорий чревата опасностью релятивизма. Спор о том, когда и в связи с чем было «открыто» детство или «изобретена» юность, остается бесплодным, пока мы не уточним: а) какое содержание мы вкладываем в эти понятия и, б) как соотносится история понятия с историей обозначаемого им явления, т. е. реальных поведенческих и социально-психологических структур. Здесь проявляются общие трудности исторической и сравнительной психологии, о которых я писал в другом месте<sup>12</sup>.

Спор о том, являются ли конкретные возрастные свойства универсальными или историческими, никуда не ведет, потому что эти свойства не существуют и не имеют смысла вне более общих психологических и культурологических симптомокомплексов. Да и сам принцип «или — или», здесь не работает, поскольку возрастные стереотипы

<sup>9</sup> Boll F. Die Lebensalter. Ein Beitrag zur antiken Ethnologie und Geschichte der Zahlen.— Neue Jahrbücher für das klassische Altertum, 1913, Jg. XVI, S. 87—145; Hofmeister A. Puer, Juvenis, Senex.— In: Papsttum und Kaisertum. München, 1926, S. 287—316; Ariès Ph. L'Enfant et la vie familiale sous l'Ancien Régime. Paris, 1973, ch. I.

<sup>10</sup> Lebeuf J. P. Personne et système du monde chez les Kotoko.— La Notion de personne en Afrique Noire. Colloques Internationaux du CNRS, № 544. Paris, 1973, p. 373—384.

<sup>11</sup> Cissé J. Signes graphiques, représentations, concepts et tests relatifs à la personne chez les Malinké et les Bambara du Mali.— La Notion de personne en Afrique Noire, p. 131—179.

<sup>12</sup> См. Коч И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978, с. 111—145.

всегда и везде имманентно многозначны, противоречивы и амбивалентны.

Во-первых, эти образы одновременно описательны (дескриптивны) и нормативно-предписательны (прескриптивны). Во-вторых, онтогенетические инварианты возрастных свойств всегда существуют в единстве с культурно-специфическими особенностями (например, переходный возраст всюду сопровождается ростом сексуальных интересов, но их содержание и последствия зависят от норм соответствующей культуры). В-третьих, возрастные стереотипы многозначны, так как они отражают условность возрастных границ и терминологии. В средние века в Европе ребенка от 7 до 14 лет называли и *infans*, и *infantulus*, и *juventus*, и *erhebus*, и *parvulus*, и *preparvulus*, и *adolescens*<sup>13</sup>. В-четвертых, любые аскриптивные свойства соотносятся не просто с возрастом как таковым, а с определенной социальной идентичностью, где возраст является важным, но не единственным компонентом. Прежде всего, аскриптивные (как и реальные) возрастные свойства тесно связаны с полом индивида и принятыми в культуре стереотипами маскулинности и фемининности. Мальчикам и девочкам одного и того же возраста приписываются разные свойства и ожидают от них разного поведения. В одних случаях эта дифференциация по полу формулируется прямо, в других молчаливо подразумевается, но существует она всегда. Многие «возрастные экспектации» вообще касаются только мужчин. Детально описывая и регламентируя жизненный путь мужчины, культура очень мало говорит об особенностях развития женщин. Например, у мужчин масаев жизнь до наступления взрослости делится на четыре степени: маленький мальчик, старший мальчик, воин и взрослый мужчина, каждой из которых соответствует определенный набор аскриптивных свойств, тогда как у женщин есть только две возрастные степени — девочка и молодая взрослая женщина<sup>14</sup>.

Жесткость возрастных систем первобытного общества, как справедливо отмечает Ф. Стюарт, обусловлена именно тем, что его возрастные степени суть социальные идентичности, а возрастные классы и группы не что иное, как «классы идентичностей», с которыми соотносятся и от которых производны аскриптивные возрастные свойства<sup>15</sup>. Это убедительно продемонстрировали Л. Керк и М. Бартон на примере масаев<sup>16</sup>.

Наконец, нужно учитывать, что приписывание возрастных свойств всегда содержит элемент бессознательной проекции. Говоря о ребенке, взрослом или старике, мы невольно проецируем на этот образ свой собственный жизненный опыт, разочарования и чаяния. Эта проекция является одновременно индивидуальной, возрастно-групповой и социально-исторической. Романтическая трактовка детства как воплощения невинности и чистоты, в противоположность отчужденному и извращенному миру взрослых, — такой же симптом разочарования в наличном социальном бытии, как и свойственная той же эпохе романтизма идеализация «благородного средневековья» и «естественной жизни» дикаря. Писатели, преданные идее старины, патриархального уклада (например, Аксаков, Толстой, Бунин), высвечивают преимущественно гармонию детства, тогда как авторы, более склонные к социальной критике, подчеркивают скорее конфликтную сторону становления характера, рисуют семейные, социальные и, наконец, внутренние, нравственно-психологические конфликты детства. Без учета таких,

<sup>13</sup> Riché P. *Education et culture dans l'Occident Barbare. VI—XIII siècles*. 2 ed. Paris, 1962, p. 500.

<sup>14</sup> Kirk L., Burton M. *Meaning and Context: a Study of Contextual Shifts in Massai Personality Descriptors*. — *American Ethnologist*, 1977, v. 4, № 4, p. 734—761.

<sup>15</sup> Stewart F. H. *Fundamentals of Age-Group Systems*. N. Y. London, 1977, p. 229.

<sup>16</sup> Kirk L., Barton M. *Op. cit.*

большей частью неосознаваемых проекций изучать историю возрастных стереотипов нельзя. Отсюда принципиальная ограниченность количественно-элементного анализа, разрушающего имманентную многозначность и амбивалентность этих образов (а это именно образы, а не понятия).

Следует отметить, что принцип развития, с которым мы обычно ассоциируем идею возраста, лишь один из возможных способов символизации возрастных процессов. Представления о том, как происходит переход из одной возрастной фазы в другую, производны от общей концепции времени и движения. Современное понятие развития исходит из идеи единства прерывности и непрерывности. В архаическом сознании простой количественный рост, увеличение или уменьшение и скачок, внезапная резкая трансформация сосуществуют как бы параллельно, независимо друг от друга. С одной стороны, это древний преформизм — представление, что в семени уже содержатся все свойства взрослого индивида, мысль о неизменности души и типичные для раннего средневековья изображения ребенка как уменьшенной копии взрослого. С другой стороны, это столь же древний миф о многократном перерождении, представление, что на каждом новом этапе жизни человек меняет свое имя, свойства и сущность, что ребенок — это вселившийся в новое тело предок и т. п. Мифологическое сознание не знает противоречия между новым и старым, рождением и смертью, поскольку любые инновации воспринимаются как повторение одних и тех же прообразов, архетипов, вечного круговорота, возвращения на круги своя.

«Возрастные процессы», символизируемые архаическим сознанием, имеют в виду не данную конкретную индивидуальную жизнь, а универсальный космический цикл. Отсюда, в частности, равнодушие к хронологическому времени и индивидуальному уровню развития, в результате чего жесткие нормативные рамки возрастных степеней и классов допускают неожиданно широкие вариации хронологического возраста индивидов, совместно проходящих обряд инициации или являющихся членами одного возрастного класса. Поэтому-то, хотя возрастные степени обозначают не что иное, как стадии жизненного цикла, истолкование их в современном психофизиологическом духе наталкивается на непреодолимые трудности.

Закон гетерохронности, лежащий в основе современной биологии и психологии развития, открыт и сформулирован только наукой XX в. Однако интуиция такой гетерохронности, исключая возможность однозначности возрастных граней и цезур, присутствует уже в архаическом сознании, которое воспринимает человека не как единство, а как множественность, где одновременно сосуществуют или сменяют друг друга несколько разных душ. Идея множественности душ, одновременно вселяющихся в одно и то же тело и имеющих свои собственные циклы существования, зафиксирована у многих народов<sup>17</sup>. Это значит, что в глазах африканца течение жизни выглядит не менее гетерохронным и многомерным, чем в глазах европейца, хотя и по другим основаниям. Кроме того, на ранних стадиях развития общества человек воспринимается не как самостоятельный субъект деятельности, а как нечто сделанное, как продукт внешних потусторонних сил.

Сравнительное исследование символизации возрастных процессов в разных культурах предполагает целую серию вопросов. Мыслятся ли возрастные процессы роста, созревания и старения однозначно инвариантными или допускающими какие-то вариации? Каковы движущие

<sup>17</sup> См., например, *Thomas L. V. Le pluralisme cohérent de la notion de personne en Afrique Noire traditionnelle.* — *La Notion de personne en Afrique Noire*, p. 387—420.

силы возрастных изменений, мыслятся ли они как результат божественной воли, законов природы, воспитания или собственных усилий индивида? Считается ли переход из одной возрастной стадии в другую внезапным и скачкообразным или незаметным и постепенным и распространяется ли эта модель на все или только на некоторые возрастные свойства?

Свойственная культуре символизация возрастных процессов объективируется и институционализируется в системе возрастных обрядов. Наиболее общим формальным понятием здесь является обряд перехода, который А. ван Геннеп определял как ритуалы, сопровождающие каждую перемену места, состояния, социального положения и возраста<sup>18</sup>. Каждый такой ритуал обозначает переход из одного состояния в другое, причем этот процесс подразделяется на три стадии: 1) отделение, оставление прежнего состояния; 2) собственно переход, когда индивид или группа находятся буквально на пороге, между двумя состояниями, и 3) вступление (инкорпорация) в новое состояние. Обряды перехода связаны не только с возрастом, но жизненные процессы и события, начиная с беременности и родов и кончая смертью и похоронами, занимают среди них центральное место.

Для понимания возрастного символизма особенно важен вопрос, означает ли данный ритуал только переход индивида из одной стадии жизни в другую или же появление новой социальной идентичности, т. е. переход в другую возрастную степень, класс или группу? Хотя второе предполагает и имплицитно включает в себя первое, далеко не одно и то же, связывать ли обряд перехода или инициацию с онтогенетическими инвариантами и/или индивидуальными вариациями жизненного цикла или же с особенностями возрастной стратификации и возрастного символизма данного общества, народа. Уже ван Геннеп, изучая так называемые «пубертатные инициации», столкнулся с тем, что физиологическое половое созревание и «социальный пубертат» качественно различны и очень редко совпадают по срокам.

Что же конкретно оформляется соответствующим обрядом? Какие именно жизненные переходы или события оформляются специальными ритуалами и почему? Насколько важны эти ритуалы и как они институционализированы в системе культуры? Являются ли данные обряды и обозначаемые с их помощью процессы перехода из одной возрастной категории (степени, класса, группы) в другую групповыми или индивидуальными? Каковы их половые и социально-классовые вариации? Каковы социальные и психологические функции этих обрядов с точки зрения поддержания определенной системы возрастной стратификации, межпоколенной трансмиссии культуры, структурирования жизненного пути и формирования некоторого типа личности? Наконец, каков культурологический смысл ритуальной символики?

Осмысливая и легитимируя возрастные процессы и различия, культура тем самым активно конструирует возрастное самосознание и субкультуру. В определенной степени это также универсально. Возрастные различия всегда воплощаются в каком-то групповом «мы», что стимулирует создание специфических возрастных организаций. Но такая общность не может обойтись без какой-то собственной знаковой системы. Возрастное «мы» может основываться на оппозиции отцов и детей, или старших и младших, или на когортных различиях, или на оппозиции условных, символических поколений<sup>19</sup>. Какому из этих принципов культура придает большее значение? По каким при-

<sup>18</sup> *Gennep A., van. Rites de passage. Paris, 1909.*

<sup>19</sup> См. об этом подробнее *Кон И. С. Понятие поколения в современном общественном*. — В кн.: *Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука*. Л.: Наука, 1979, с. 209—228.

накам индивиды конструируют свое возрастное «мы» и как они представляют свои взаимоотношения с другими возрастными слоями? Институционализируется ли эта возрастная субкультура в особую систему учреждений (организаций, групп) или существует в виде отдельных разрозненных элементов и комплексов? Эти вопросы снова возвращают нас к процессам возрастной стратификации, но в более широком историческом контексте.

#### **TO THE PROBLEM OF AGE SYMBOLISM**

The study of processes and categories having to do with age grades can be approached from three different initial points: 1) the individual life cycle; 2) the stratification of society by age groups; 3) age symbolism in culture. In the paper the concept of age symbolism is formulated and its main components are distinguished. These are: normative criteria of life cycle; ascriptive age characteristics (age stereotypes); symbolization of age processes; age-based rites and rituals; the age group subculture. The interrelation of these concepts is discussed as well as their importance for the study of the life cycle and age stratification.